

Жюль Верн

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 80 ДНЕЙ

Иллюстрации Владимира Канивца

эксмогетство

Москва

2026

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44
В35

В35 Верн, Жюль.

Вокруг света за 80 дней / Жюль Верн ; [перевод с французского Елизаветы и Ивана Леонтьевых]; иллюстрации Владимира Канивца. — Москва : Эксмо, 2026. — 296 с. : ил.

ISBN 978-5-04-216431-6

Знаменитый приключенческий роман французского писателя Жюль Верна о необыкновенном путешествии вокруг земного шара. Выдержка, знания и точный расчёт помогут героям в самых непредвиденных и опасных ситуациях. А главной наградой победителю станет... любовь!

Классический перевод с французского Е. и И. Леонтьевых. Стильные иллюстрации В. Канивца.

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-216431-6

© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Паспарту становится слугой Филеаса Фогга

В 1872 году в доме № 7 на Севил-роу в Бирмингтон Гарденс жил эсквайр Филеас Фогг — один из самых оригинальных и замечательных членов лондонского Реформ-клуба, загадочная личность, о которой никто ничего не знал, кроме того, что это в высшей степени порядочный человек и один из красивейших джентльменов высшего английского общества.

Англичанин в истинном смысле этого слова, Филеас Фогг, по-видимому, не был уроженцем Лондона. Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни в лондонскую гавань, ни в доки никогда не входило судно, принадлежащее Филеасу Фоггу. Джентльмен этот не служил ни в одном правительственном учреждении. Не был он ни промышленником, ни негодьянтом, ни купцом, ни земледельцем. Наконец, он не состоял ни в одном из многочисленных обществ, которыми наводнена столица Англии, начиная с Музыкального и кончая Энтомологическим.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба — вот и всё.

В ряды столь почтенного общества он был избран по рекомендации братьев Беринг, у которых ему был открыт кредит, и репутация мистера

Фогга была основана на том, что его чеки при предъявлении неизменно оплачивались с его текущего счёта.

Был ли богат этот Филеас Фогг? Несомненно, но как он достиг своего богатства, не могли сказать даже наиболее осведомлённые люди. Он не был расточителен, но не был и скупцом, ибо везде, где не хватало средств для какого-нибудь благородного или полезного дела, он молча и даже анонимно давал эти средства.

Трудно представить человека менее общительного, чем этот джентльмен! Он старался говорить как можно меньше и благодаря своей молчаливости казался таинственным — между тем жизнь его протекала на виду у всех.

Путешествовал ли он? Это было вполне вероятно, потому что никто лучше него не был знаком с картой всего света. Он как будто специально изучил каждый, даже самый отдалённый уголок. Казалось, он обладал даром предвидения, поскольку его гипотезы относительно заблудившихся или пропавших без вести путешественников неизменно подтверждались впоследствии. Это был человек, который путешествовал всюду, — по крайней мере, мысленно.

Во всяком случае, было достоверно известно, что Филеас Фогг не покидал Лондона в течение долгих лет. Те, кто имел честь знать его несколько ближе, чем другие люди, утверждали, что, кроме прямой дороги, по которой он ходил из дома в клуб, его никогда нигде не встречали. Единственными его занятиями были чтение газет и игра в вист. Он часто выигрывал в этой молчаливой игре, так хорошо подходившей к его натуре, но играл, очевидно, для того, чтобы играть, а не для выигрыша. Игра была для него борьбой с препятствиями, но борьбой без движения, без перемещения, без усталости, и это вполне гармонировало с его характером.

У Филеаса Фогга не было ни жены, ни детей — это возможно и среди самых порядочных людей. Но не было у него также ни родных, ни друзей, а это уже явление гораздо более редкое. Филеас Фогг жил один в своём доме на Севил-роу, куда никто не имел доступа. Для услуг ему было достаточно одного слуги. Он завтракал и обедал в клубе в точно

определённые часы, в одном и том же зале, за одним и тем же столом, не угощал никого из своих коллег по клубу и не приглашал никого из посторонних. Возвращался он домой только для того, чтобы лечь спать, — ровно в полночь. Прогуливался он неизменно ровным шагом либо в холле Реформ-клуба с мозаичным паркетом замысловатого рисунка, либо в круглой галерее, увенчанной куполом из голубого стекла, который поддерживали двадцать ионических колонн из красного порфира¹. На обед и на завтрак кухни, кладовые, буфеты, рыбные садки и молочные клубы предоставляли ему свои обильные запасы; клубные лакеи — величественные молчаливые фигуры в чёрном, в башмаках на мягкой войлочной подошве — подавали ему кушанья на особом фарфоре и на изумительных саксонских скатертях; его херес, портвейн и кларет, приправленные корицей и другими пряностями, наливались в хрустальные бокалы специальной формы; наконец, для поддержания напитков в охлаждённом состоянии использовался лёд, с огромными издержками доставляемый в клуб прямо с американских озёр.

Если жить в таких условиях значит быть эксцентричным, то следует признать, что эксцентричность имеет свои хорошие стороны.

Дом на Севил-роу не был роскошным, но отличался изысканным комфортом. Впрочем, благодаря постоянству привычек его хозяина обязанности прислуги сводились к минимуму. Но зато Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги необычайной точности и аккуратности. Как раз в этот день, 2 октября, Филеас Фогг уволил Джеймса Форстера, который провинился в том, что принёс ему для бритья воду, нагретую до восьмидесяти четырёх градусов по Фаренгейту² вместо восьмидесяти шести, и теперь ожидал его заместителя, который должен был явиться от одиннадцати часов до половины двенадцатого.

Филеас Фогг сидел прямо в своём кресле, сдвинув ноги вместе, как солдат на смотре, и положив руки на колени. Подняв голову, он следил за

¹ П о р ф и р — твёрдая горная порода, близкая к граниту.

² 28,89 градусов по Цельсию.

стрелкой часов, сложной машины, показывавшей часы, минуты, секунды, дни недели, числа, месяцы и год. Ровно в половине двенадцатого Филеас Фогг, согласно ежедневной привычке, покидал свой дом и отправлялся в Реформ-клуб.

Как раз в этот момент в дверь небольшой гостиной, где находился Филеас Фогг, постучали.

Вошёл уволенный Джеймс Форстер.

— Новый слуга, — доложил он.

Человек лет тридцати вошёл в комнату и поклонился.

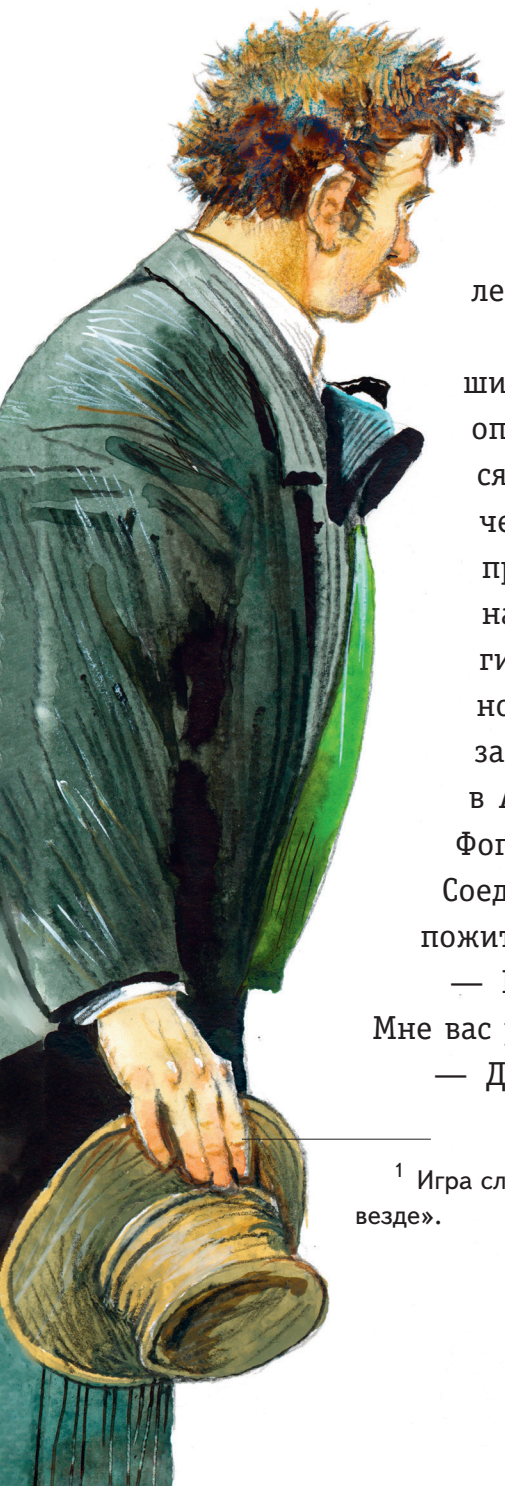
— Вы француз и ваше имя Джон? — спросил его Филеас Фогг.

— Жан, с вашего позволения, — ответил новоприбывший, — Жан Паспарту. Это прозвище мне дали давно, и оно оправдывается моей природной способностью выпутываться из затруднительных положений¹. Я считаю себя честным человеком, мосье, и, говоря по правде, перепробовал много профессий. Я был странствующим певцом, воздушным гимнастом в цирке, плясал на канате, работал преподавателем гимнастики, а в последнее время был сержантом пожарной команды в Париже. Я покинул Францию пять лет назад и, желая пожить оседлой жизнью, стал служить лакеем в Англии. Оставшись без места и узнав, что мосье Филеас Фогг — самый пунктуальный и спокойный человек во всём Соединённом Королевстве, я явился к вам, мосье, в надежде пожить спокойно и забыть наконец своё прозвище Паспарту...

— Паспарту, это мне нравится, — отвечал джентльмен. — Мне вас рекомендовали. Вы знаете мои условия?

— Да, мосье.

¹ Игра слов. В буквальном переводе с французского «паспарту» означает «ходит везде».

- Отлично. Который час на ваших часах?
- Двадцать две минуты двенадцатого, — ответил Паспарту, извлекая из недр своего кармана огромные серебряные часы.
- Ваши часы отстают, — заметил мистер Фогг.
- Вы меня простите, мосье, но это невозможно.
- Ваши часы отстают на четыре минуты. Но это всё равно, важно лишь установить разницу. Итак, начиная с этого момента, с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, 2 октября 1872 года, вы состоите у меня на службе.

С этими словами Филеас Фогг поднялся, взял левой рукой свою шляпу, автоматическим движением надел её на голову и, не прибавив более ни слова, исчез.

Паспарту услышал, как закрылась дверь на улицу: это вышел его новый хозяин; затем она хлопнула во второй раз: это ушёл его предшественник, Джеймс Форстер.

Паспарту остался один в доме на Севил-роу.

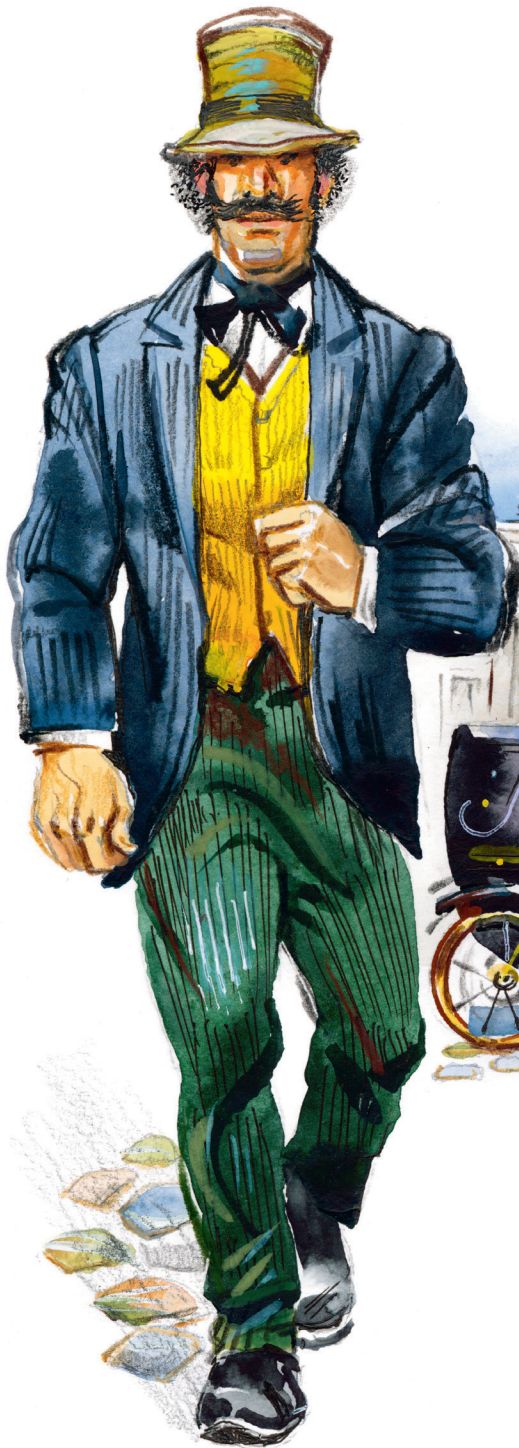
ГЛАВА ВТОРАЯ, где Паспарту убеждается, что нашёл наконец свой идеал

«**Ч**естное слово, — сказал себе немного ошеломлённый Паспарту, — я знаю у мадам Тюссо таких же живых субъектов, как мой новый хозяин!»¹

В течение нескольких минут, пока Паспарту разговаривал с Филеасом Фоггом, он успел быстро, но очень внимательно разглядеть своего будущего господина. Это был человек лет сорока, с благородной осанкой, высокого роста, не лишённый некоторой приятной полноты, с красивым лицом, скорее бледным, чем румяным, с гладким лбом без признаков морщин, великолепными зубами и белокурыми волосами и бакенбардами. Спокойный, флегматичный, с ясным, неподвижным взглядом, он представлял собой образец типичного хладнокровного англичанина. При любых обстоятельствах этот джентльмен производил впечатление существа прекрасно уравновешенного во всех отношениях и принадлежал к числу тех математически точных людей, которые никогда не спешат, но всегда успевают и экономны в своих поступках и движениях. Он никогда не делал лишнего шага, всегда шёл кратчайшим путём. Никто никогда не видел его взволнованным или подавленным. Никто на свете не торопился меньше него, но он всегда приходил вовремя.

¹ «Субъекты» мадам Тюссо — восковые фигуры из знаменитого музея, имеющие необыкновенное сходство с оригиналами.

Что касается Жана по прозвищу Паспарту, настоящего парижанина, то, прожив пять лет в Англии и служа в Лондоне лакеем, он тщетно искал себе хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту был добрый малый, кроткий и услужливый, с приятной физиономией, с немного пухлыми губами, всегда готовыми полакомиться или сказать ласковое

слово, с одной из тех славных круглых голов, которую с удовольствием видишь на плечах друга. У него были голубые глаза, хороший цвет лица, достаточно толстого для того, чтобы он сам мог видеть ямочки на своих щеках, широкая грудь и могучая мускулатура. Он был высокого роста и

обладал геркулесовской силой, великолепно развитой ещё в молодости постоянными упражнениями. Его тёмные волосы были немного непокорны.

После бродячей, как уже известно, молодости он жаждал покоя. Наслушавшись похвал методичности англичан и их вошедшему в разговор хладнокровию, он отправился искать счастья в Англии. Но до сих пор судьба мало ему благоприятствовала. Он сменил уже десять домов, поскольку везде сталкивался с чудаками, искателями приключений или любителями путешествий. Всё это больше не подходило Паспарту. Узнав, что эсквайр Филеас Фогг ищет слугу, он собрал сведения об этом джентльмене и пришёл к выводу, что человек, ведущий такой размеренный образ жизни, человек, который не гулял по ночам, не путешествовал, не уезжал из дома даже на сутки, — такой человек вполне ему подходит.

Когда часы пробили половину двенадцатого, Паспарту находился в доме на Севил-роу совершенно один. Он тотчас же начал осмотр нового жилища и произвёл его с погреба до чердака. Ему понравился этот чистый, благоустроенный, строгий пуританский дом. Он произвёл на него впечатление красивой раковины, но раковины освещаемой и отапливаемой газом, так как газ удовлетворял здесь все потребности в отоплении и освещении. Паспарту без труда нашёл на третьем этаже комнату, предназначенную для него. Она ему понравилась. Электрические звонки и переговорные трубки соединяли её с комнатами первого и второго этажей. На камине стояли электрические часы, соединённые с часами в спальне Филеаса Фогга, и оба эти механизма одновременно отбивали одну и ту же секунду.

«Это мне подходит, это мне подходит», — повторял про себя Паспарту.

В своей комнате он нашёл листок бумаги, приколотый к стене над часами. Это было расписание его ежедневных обязанностей с восьми часов утра, когда регулярно вставал Филеас Фогг, до половины двенадцатого, когда он покидал дом, чтобы идти завтракать в Реформ-клуб: чай с гренками — в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья — в девять часов тридцать семь минут, причёска — в девять часов сорок минут и так далее. Потом с половины двенадцатого утра до полуночи — время, когда пунктуальный джентльмен всегда ложился спать, — всё было отмечено,

предусмотрено, упорядочено. Паспарту радовался, перечитывая это описание и запоминая его отдельные пункты.

Что касается гардероба мистера Фогга, то он находился в прекрасном состоянии и был необычайно велик. Каждая пара брюк, сюртук или жилет имели свой порядковый номер, записанный в приходно-расходном реестре с указанием даты, когда сообразно с сезоном следовало носить эту одежду. Такой же образцовый порядок существовал и для обуви.

Словом, комфортабельная обстановка дома на Севил-роу свидетельствовала о полном благосостоянии. Здесь не было книг, которые были бы для мистера Фогга бесполезны, так как Реформ-клуб предоставлял в его распоряжение две библиотеки: одну — изящной словесности, другую — по вопросам права и политики. В спальне стоял небольшой несгораемый шкаф, который прекрасно защищал хранившиеся там ценности как от пожара, так и от воров. Что касается оружия, то в доме его не было — ни охотничьего, ни военного. Это указывало на вполне мирные наклонности его обитателя. Рассмотрев всё до мельчайших подробностей, Паспарту начал потирать руки и с прояснившейся физиономией весело повторял:

— Это мне подходит! Вот настоящее дело для меня! Мы с мистером Фоггом отлично сойдёмся! Это человек пунктуальный и домосед! Не человек, а машина! Отлично, я ничего не имею против того, чтобы служить машине!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, где начинается разговор, который может дорого стоить Филеасу Фоггу

Филеас Фогг покинул свой дом на Севил-роу в половине двенадцатого и, после того как поставил свою правую ногу впереди левой пятьсот семьдесят пять раз, а левую впереди правой пятьсот семьдесят шесть, достиг Реформ-клуба, величественного здания на Пэлл-Мэлл, сооружение которого стоило не меньше трёх миллионов фунтов.

Филеас Фогг сразу же направился в столовую; её девять окон выходили в прекрасный сад, листву которого уже позолотила осень. Там он занял за столом своё обычное место, где его уже дожидался прибор. Завтрак мистера Фогга состоял из закуски, отборной варёной рыбы с соусом, кровавого рост-бифа с острой приправой, пирога, начинённого ревенём и крыжовником, и куска честерского сыра; всё это запивалось несколькими чашками великолепного чая, выписываемого для Реформ-клуба по специальному заказу.

В двенадцать часов сорок семь минут наш джентльмен встал и направился в большой салон, роскошно обставленный и украшенный картинами в дорогих рамах. Здесь слуга подал ему свежий номер «Таймс», который мистер Фогг разрезал с такой уверенностью, которая свидетельствовала о большом навыке в этой трудной операции. Чтением этой газеты он занимался до трёх часов сорока пяти минут, а чтением заменившего её «Стандарта» — до самого обеда.

Без двадцати минут шесть джентльмен вернулся в салон и занялся чтением «Морнинг Хроникл».

Спустя полчаса начали появляться члены Реформ-клуба и подходить к камину, в котором пылал огонь. Это были обычные партнёры мистера Филеаса Фогга, как и он, заядлые игроки в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Салливан и Самуэль Фаллентин, пивовар Томас Фленаген и один из администраторов Английского банка Готье Ральф — все люди богатые и пользующиеся почётом даже в этом клубе, насчитывавшем среди своих членов немало самых видных представителей промышленности и финансов.

— Ну, Ральф, — заговорил Томас Фленаген, — как обстоят дела с этой кражей?

— Видимо, банку придётся потерять свои деньги, — ответил Эндрю Стюарт.

— Я, наоборот, надеюсь, — возразил Готье Ральф, — что виновник кражи попадёт в наши руки. Очень опытные полицейские агенты командированы в главные порты Европы и Америки, и этому господину трудно будет ускользнуть от них.

— А приметы вора известны? — спросил Эндрю Стюарт.

— Это вовсе не вор, — серьёзно ответил Готье Ральф.

— Как! Человек, похитивший пятьдесят тысяч фунтов стерлингов банковыми билетами, не вор?

— Нет, — подтвердил Готье Ральф.

— Что же он, промышленник? — спросил Джон Салливан.

— «Морнинг Хроникл» утверждает, что это джентльмен.

Слова эти произнёс не кто иной, как Филеас Фогг, голова которого поднялась над ворохом окружавших его газет. При этом мистер Фогг поклонился своим партнёрам, которые ответили ему тем же.

Происшествие, о котором шла речь и которое горячо обсуждалось всей прессой Соединённого Королевства, случилось за три дня до этого, а именно 29 сентября. Пачка банковых билетов на огромную сумму пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов была украдена со стола главного кассира Английского банка.

На вопросы лиц, удивлявшихся, что такая кража могла совершиться так просто, вице-директор Готье Ральф ограничивался ответом, что как раз в этот момент кассир был занят регистрацией получения трёх шиллингов шести пенсов и что вообще невозможно за всем уследить.

Когда факт кражи был установлен, в крупные портовые города — Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и так далее — были разосланы наиболее ловкие полицейские агенты, которым в случае успеха обещали премию в две тысячи фунтов и сверх того пять процентов от найденной суммы. В ожидании сведений, которые должно было дать начатое

расследование, агентам вменено было в обязанность тщательно наблюдать за всеми приезжающими и отъезжающими путешественниками.

Действительно, как и утверждал «Морнинг Хроникл», лицо, совершившее кражу, не принадлежало ни к одной из воровских шаек Англии. 29 сентября многие видели, как хорошо одетый джентльмен почтенного вида и с прекрасными манерами прогуливался в зале платежей, где была совершена кража. Следствию удалось довольно точно установить приметы этого господина, и эти приметы были тотчас же разосланы всем сыщикам Соединённого Королевства и континента.

Само собой разумеется, это событие было в центре внимания как в Лондоне, так и во всей Англии. Его обсуждали со всех сторон и вели страстные споры о возможности успеха агентов столичной полиции. Неудивительно, что члены Реформ-клуба также интересовались этим вопросом, тем более что в числе собеседников был вице-директор банка.

Достопочтенный Готье Ральф не сомневался в успешности поисков, полагая, что обещанная награда непременно подстегнёт усердие и сообразительность агентов. Но его партнёр Эндрю Стюарт отнюдь не разделял его уверенности.

— Я утверждаю, — сказал Эндрю Стюарт, — что все шансы на стороне вора, который, несомненно, очень ловкий человек.

— Оставьте, — возразил Ральф, — нет ни одной страны, где он мог бы скрыться.

— Не может быть!

— Куда же он, по-вашему, направится?

— Этого я не знаю, — отвечал Эндрю Стюарт, — но ведь Земля, в конце концов, достаточно велика.

— Она была когда-то достаточно велика, — заметил вполголоса Филеас Фогг, передавая карты Томасу Фленагену.

— Как это «когда-то»? — спросил Стюарт. — Разве Земля уменьшилась?

— Конечно, — ответил Готье Ральф, — я вполне согласен с господином Фоггом. Разумеется, Земля уменьшилась, раз теперь её можно объехать